

Прежний приют Цзюцина ютился на северной окраине Южного округа, затерявшись среди шумных рядов небольшого местного рынка.

В Праздник середины года Южный округ сиял огнями, разгонявшими ночной мрак. Улицы заполонило людское море: горожане без умолку сновали туда-сюда, совершая поминальные обряды, сжигая ритуальную бумагу и спуская на воду плывущие фонарики.

Люцзин шёл бок о бок с Цзюцином и Яньгу, то и дело замечая среди живых прозрачные силуэты. То были души, оставшиеся в Городе Фэнду и пока не ступившие в круг перерождений. Удерживаемые там былыми привязанностями или сожалениями, лишь раз в году, в эту заветную ночь, они получали дозволение повидаться с теми, кого любили при жизни.

Город тонул в горьковатом дыму благовоний и костров, в котором причудливо смешались печаль живых и мимолётная радость мёртвых. Этот тонкий, пронзительный аромат неизбежно будил в душе целую бурю чувств.

Призрачные скитальцы неверяще замирали, узнав в случайных прохожих Яньгу, Люцзина и Цзюцина. Кое-кто порывался подойти и склониться в почтительном поклоне, но тот едва заметным взмахом руки велел им оставаться на местах, не желая привлекать внимания. Так, в тишине и без лишней суматохи, они добрались до старого дома Цзюцина.

Старое жилище Цзюцина, несмотря на всю свою простоту, таило в себе скромную, тихую поэзию. У входа высились две раскидистые ивы, чьи тонкие ветви плавно покачивались под дыханием ветра. Высоко подвешенные у ворот фонари разливали мягкий свет, рисовавший на земле и листве причудливое, зыбкое кружево теней.

Люцзин украдкой взглянул на Цзюцина. Тот замер, не сводя глаз с ворот. О чём он думал? Быть может, безмолвно сокрушался, что вернулся сюда лишь двадцать лет спустя, или гадал, уцелело ли в этих стенах прежнее тепло? Люцзин не решался тревожить его расспросами. К счастью, в своё время он проявил предусмотрительность и велел призрачным посланникам присмотреть за усадьбой, так что скромный дворик остался точно таким же, каким его помнил покойный хозяин.

Вдруг калитка скрипнула, отворяясь изнутри, и в тёплом ореоле свечного сияния возник изящный, хрупкий силуэт. От одного этого взгляда Цзюцин оцепенел, а сам он мгновенно прослезился.

Перед ними стояла Синьи. Лицом она была неотличима от Вэй Чжиюэ, но в её облике сквозила зрелая, утончённая женственность, которой так не хватало юной и порывистой дочери королевы демонов.

В знак траура по недавно усопшей Вэй Чжиюэ её платье из зелёного шёлка с белыми рукавами было лишено украшений. На бледном лице без румян и белил читалась глубокая усталость, но даже в этой изнуряющей скорби хрупкий силуэт Синьи хранил благородную, утончённую прелесть.

— Цзюцин, мы вернемся за тобой за полночь, в час Крысы, — негромко произнёс Яньгу.

Удивительно, но стоило ему заговорить, как Синьи словно почувствовала чужое присутствие и устремила взгляд в их сторону, безошибочно отыскав глазами Цзюцина.

Подойдя к Люцзину, Яньгу тихо обронил:

— Идём.

Люцзин бросил быстрый взгляд на Цзюцина. Понимая, что тому сейчас совсем не до спутников, он не стал нарушать момент прощанием и послушно пошёл вслед за Яньгу.

Когда они выбрались из тихого переулочка на залитую светом рыночную площадь, Люцзин повернулся к Яньгу:

— И куда мы теперь направимся?

Яньгу оглянулся, его взгляд оставался безмятежным:

— Куда пожелаешь.

Покладистость спутника вызвала у Люцзина невольную улыбку. Сбросив невидимость, они безмятежно влились в праздную толпу Южного округа. Статный и безупречно красивый Яньгу везде, где бы ни появлялся, приковывал к себе восхищённые взгляды прохожих.

Люцзин впервые видел земное празднество во всём его великолепии; от обилия красок, огней и звуков у него сладко кружилась голова.

Земной Праздник середины года разительно отличался от того, что праздновали в Подземном царстве. Пусть и там, и здесь бок о бок плыли бесчисленные фонарики, а толпа теснилась в весёлой толкотне, ему отчаянно не хватало этой бьющей ключом, чистой жизненной силы.

Люцзин твёрдо вознамерился подмечать каждую деталь. Он надеялся перенять у смертных парочку красивых обычаев, чтобы в следующем году обновить Фэнду и вдохнуть новую жизнь в унылые улицы призрачного города.

Здесь лотосовые фонарики ничуть не уступали тем, что плыли по водам Дифу — такие же причудливые формы, такое же тонкое мастерство, ведь делали их те же руки смертных. И хотя Люцзин искренне восхищался этой кропотливой работой, долго задерживать взгляд на проплывающих огнях он не стал.

Посреди площади развернулось поминальное богослужение. Подойдя ближе, Люцзин увидел буддийских монахов, мерно читавших сутры. На широком алтарном столе, окутанном сизыми струйками благовоний, высилась глиняная статуя бодхисаттвы Кшитигарбхи. Черты её лица на удивление точно передавали облик истинного божества, которого он видел лишь сегодня утром. Неужели кому-то из смертных действительно удалось узреть лик Небожителя?

Перед изваянием громоздились щедрые подношения: горы сочных фруктов и сладких медовых пряников.

«Раз уж мы в мире живых, грех не отведать здешних яств», — подумал Люцзин и завертелся по сторонам в поисках спутника. Обернувшись, он увидел Яньгу. Тот стоял чуть поодаль, на его лице блуждала мягкая улыбка, а взгляд — тёплый, но спокойный — был устремлён прямо на юношу.

Много лет назад, когда Яньгу впервые оказался в мире смертных, вокруг царило такое же праздничное безумие. Только тогда именно он, Яньгу, восторженно озирался по сторонам, а Люцзин шёл следом, плавно покачивая расписным веером и лукаво улыбаясь. Сегодня они поменялись ролями, и Яньгу с тихой грустью осознал, насколько причудливы витки судьбы: от её предначертаний невозможно укрыться.

Люцзин, не заметив мимолётной задумчивости спутника, подбежал к нему и весело рассмеялся:

— А, так ты здесь! А я уж испугался, что тебя утащила какая-нибудь местная красавица.

Яньгу мягко улыбнулся, ничуть не задетый шуткой:

— Ты умеешь находить дорогу?

Люцзин опешил от столь странного вопроса, но честно покачал головой.

— Вот и я побоялся, что ты заблудишься, — кивнул Яньгу.

Эти слова уже звучали давным-давно, только тогда их произносил другой. Роли переменились, но изменилось ли то, что они чувствовали друг к другу?

От этих слов, сказанных самым будничным тоном, у Люцзина странно сжалось сердце. Надо же, какая трогательная забота о подчинённых...

— Раз уж ты так печёшься о подчинённых, — произнёс Люцзин, унимая непрошеное волнение в груди, — давай отпразднуем. Сегодня ведь и наш день тоже, а я лишил тебя изысканного ужина в тереме Лунного Сияния. Позволь мне угостить тебя. Вот только примут ли здешние трактирщики то жалованье, что мне выплачивают в Подземном царстве?

— Ты про те бумажные слитки? — усмехнулся Яньгу. Запустив руку в потайной карман широкого рукава, он достал увесистый кошель и вложил его в ладонь юноши. — Не стоит пугать местных торговцев, им и так нелегко живётся. Выбирай любое заведение, я плачу. Настоящее серебро у меня найдётся.

Люцзину оставалось лишь принять подарок. Кошель так приятно оттягивал ладонь, что сомневаться не приходилось: серебра внутри было предостаточно.

Но откуда у великого Янь-вана взялись человеческие деньги?

— И где же ты раздобыл земные монеты? — полюбопытствовал Люцзин.

Яньгу уклонился от ответа, оглядывая вывески:

— Интересно, какой трактир в Южном округе считается лучшим? О, как насчёт твоего любимого пряного рубца с кинзой?

Бормоча это под нос, он уже уверенно зашагал через дорогу.

Спорить с ним было бесполезно. В конце концов Люцзин выбрал двухэтажную ресторацию под вывеской «Обитель дум о питье». Заведение располагалось в самом сердце торговых рядов и так выгодно выделялось среди прочих лавок, что его простые, но запоминающиеся блюда обещали оправдать любые ожидания.

На втором этаже они заняли столик у окна, выходящего на оживлённую улицу. Просторный отдельный кабинет, оформленный в классическом стиле, сочетал утончённость и домашний уют. На столе красовались фарфоровые вазы с изящной кобальтовой росписью, в которых стояли свежие цветы, создавая атмосферу уединения.

— Мир живых совсем не похож на Город Фэнду, — негромко проговорил Люцзин, прильнув к окну. — Посмотри: сумерки едва сгустились, а весь город уже расцвёл мириадами огней. Шумные улицы, пышная зелень деревьев — повсюду бурлит настоящая, кипучая жизнь.

С высоты второго этажа далёкая праздничная суeta казалась юноше россыпью мерцающих, тёплых искр.

Потягивая чай, Яньгу размышлял над его словами. Ни Небеса, ни Подземный мир не могли сравниться с очарованием земной юдоли. В садах Девятого неба цвели редчайшие волшебные травы, но в них не было искренности. Берега Города Фэнду устилали багряные ликорисы, но им не хватало дыхания жизни. Простые земные пейзажи таили в себе прелесть, затмевающую любое божественное великолепие.

— И всё же, на мой взгляд, все красоты этого мира не сравнятся с... — Яньгу резко умолк.

Люцзин из любопытства обернулся и подошёл обратно к столу:

— Не сравнятся с чем?

Яньгу лишь замер с пиалой у губ, так и не сделав глотка. Люцзин разочарованно хмыкнул, понимая, что откровений не дождётся, и налил чаю себе. На душе у него сделалось беспокойно: вспомнился оставленный в одиночестве Цзюцин.

— Мы гуляем уже добрых полчаса. Интересно, как там Цзюцин? Всё ли у него в порядке?

— Не тревожся, — отозвался Яньгу. — Помыслы Цзюцина сейчас заняты исключительно Синьи. Если только она сама не проговорится, он ни о чём не догадается.

— Точно! — спохватился Люцзин. — Вчера, когда ты принял облик Чжиюэ, ты ведь предупредил Синьи, чтобы она помалкивала при встрече?

Яньгу опустил пиалу и недоумённо изогнул бровь:

— Зачем? Я лишь передал, что сегодня Цзюцин вернётся, и велел ей ждать его в поместье Вэй.

Люцзин мысленно вздохнул, сокрушаясь, что вовремя не надоумил своего спутника. Впрочем, поразмыслив, он успокоился. Эти двое так преданно любили друг друга, а Синьи явно поспешила домой заранее именно для того, чтобы уберечь Цзюцина от горькой правды. Наверняка они поймут друг друга без слов и пощадят чужие чувства.

Пока он размышлял, в дверь постучали. Юркий трактирный слуга принялся расставлять на столе дымящиеся яства, заказанные Яньгу. Как оказалось, это был настоящий пир из свиной требухи во всех видах. Люцзин невольно вздохнул: чрезмерная забота начальства порой оборачивается существенным испытанием.

На столе красовались супы, жаркое и пряные закуски — и всё из одного и того же субпродукта. Одолеть такое вдвоём казалось делом немыслимым. Будто издеваясь, слуга угодливо поклонился:

— Отведайте наших лучших блюд, господа! Дёшево и невероятно вкусно. Приятной трапезы!

«Неужели владыка подземного мира польстился на дешевизну?» — уныло подумал Люцзин.

Яньгу невозмутимо взял палочки и потянулся к тарелке с пряным рубцом:

— Угощайся.

Отказываться от еды было бы глупо, к тому же аромат щекотал ноздри. Люцзин с удовольствием принялся за ужин, не забыв наполнить чарки хмельным.

Земное вино заметно отличалось от того, что подавали в тереме Лунного Сияния. Здесь оно было крепким, обжигающим и поражало обилием сортов. В Подземном царстве пили тонкое вино из цветов туми, оставлявшее после себя горьковатый след светлой грусти — ведь когда распускаются эти цветы, весна неизбежно клонится к закату.

Шум праздничной толпы, скрип колёс и весёлый гомон внизу — всё это меркло перед тихим, умиротворяющим уютом, царившим в их скромном кабинете, где они сидели друг против друга в безмолвном согласии.

Когда с трапезой было покончено, городской гул понемногу пошёл на спад, а яркий праздник за окном начал угасать.

Люцзин поднялся и вновь подошёл к окну. Внизу брели припозднившиеся прохожие — кто весёлыми группками, кто вдвоём, а кто и в полном одиночестве.

На тёмной глади реки в отдалении покачивалось зыбкое светящееся пятно — то плыли последние лotosовые фонарики.

Этот вид напомнил Люцзину, как на причале у терема Саха Яньгу вручил усопшей Вэй Чжиюэ прощальный фонарь. Юношу до сих пор разбирало любопытство: судя по его обычной холодности к покойнице, подобный жест вежливости выглядел крайне неожиданно.

Люцзин украдкой покосился на спутника. Тот сидел всё в той же безупречно величавой позе, задумчиво пригубливая хмельное.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Яньгу медленно повернул голову. В колеблющемся пламени свечи его глаза казались чистейшим лунным сиянием, а хмельной румянец, проступивший на щеках, придавал его царственной красоте неожиданную, манящую мягкость.

Люцзин оцепенел. Он не мог оторвать глаз от этого зрелища, а в голове вертелась лишь одна мысль: «Настоящее наваждение...»

Яньгу не выдержал этого откровенного, застывшего взгляда. Смутившись, он отставил чарку и спросил:

— Что такое?

У Люцзина сладко ёкнуло в груди. Пытаясь скрыть растерянность, он торопливо вернулся на своё место и потянулся к чайнику:

— Выпей чаю, полегчает. Да и мне не помешает.

Хмель уже давал о себе знать, но Яньгу послушно осушил пиалу. Крепкий, горьковатый настой действительно немного прояснил мысли.

Заметив, что румянец на лице собеседника так и не прошёл, Люцзин вновь наполнил обе пиалы:

— Хороший чай, отлично разгоняет хмель.

Яньгу сделал ещё глоток и шутливо упрекнул юношу:

— И всё же, что с тобой не так? Обычно подчинённые за ужином из кожи вон лезут, чтобы напоить начальство, а ты меня чаем пичкаешь.

Люцзин растерялся от такого упрёка:

— Зачем мне тебя поить?

Яньгу одарил его косым взглядом, в котором сквозило мягкое снисхождение, хотя Люцзину почему-то почудилась в нём затаённая нежность.

— Когда наставник пьян, у него куда проще выпросить поблажку, — хмыкнул Яньгу.

Судя по этой вольности, великий Янь-ван пребывал в весьма благодушном хмельном расположении духа. Люцзин решил, что упускать такой шанс глупо. Хитро прищурившись, он вкрадчиво спросил:

— Коли так, признайся: почему ты всё-таки подарил фонарь Вэй Чжиюэ?

Яньгу нахмурился, в его голосе проскользнули капризные нотки:

— Захотел и подарил. Зачем искать скрытый смысл?

— И совсем без причины? — не унимался Люцзин.

Он нахмурился ещё сильнее:

— В Городе Фэнду немного сыщется столь же пригожих дев. Подарить ей фонарь было по меньшей мере незачем.

Люцзин не знал, верить этому оправданию или нет, но послушно поддакнул:

— Твоя правда. Чжюэ действительно была первой красавицей в призрачном городе.

— Вот именно, — хмельно кивнул Яньгу. — Весьма недурна.

<http://bllate.org/book/18339/1825945>